

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Исторический факультет
кафедра политологии и права

Свиридович Никита Сергеевич
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

41.03.04 «Политология», бакалавр политологии
Профиль «Российская политика»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой
канд. ист. наук, доцент
Константинова М.В.

Научный руководитель
канд. филос. наук, доцент Лисина
Л.Г

Дата защиты

Обучающийся
Свиридович Н.С

Оценка _____

Красноярск 2020

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

кафедра политологии и права

ОТЗЫВ

научного руководителя выпускной квалификационной работы

Тема работы: Гибридные войны в современном мире

Автор (студент/ка) Свиридович Н.С.

Группа ГО-Б16Г-01

Кафедра политологии и права

Направление 41.03.04 «Политология», бакалавр политолог

Профиль «Российская политика»

Отмеченные достоинства

Отмеченные недостатки

—

Заключение _____
_____
_____
_____
_____

Научный руководитель _____
_____

(ФИО, место работы, должность, ученое звание, степень)

« _____ » _____ 201__ г.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Теоретические основы понятия «гибридная война»	9
1.1.Генезис понятия «гибридная война».....	9
1.2.Концепция гибридных войн.....	17
Глава 2. «Гибридная война» в современном мире	24
2.1. Основные методы и способы ведения войны.....	24
2.2. Пути противостояния гибридным войнам.....	29
Глава 3. Методы ведения гибридных войн	33
3.1. Информационная война.....	33
3.2. Цветные революции как механизм ведения гибридных войн.....	38
Заключение	44
Библиографический список	47

Введение

Актуальность исследования. Война, как форма человеческой деятельности, претерпела значительные изменения с историческим развитием общества. В настоящее время "правила войны" изменились, поскольку невоенные инструменты стали более эффективными, чем военные. Это политические, экономические, информационные и гуманитарные методы активизации потенциала народного протеста. К ним также добавляются скрытые военные активы. Становление общества в постмодернистскую эпоху, нарастающие процессы глобализации привели к ослаблению государственного суверенитета, появлению форм войны, которые называют "гибридными". Гибридная война, по общему определению, представляет собой вид боевых действий, в котором атакующая сторона не прибегает к традиционному вторжению, а уничтожает противника путем объединения диверсионных операций, саботажа, кибервойн.

В последние годы фраза "гибридная война" стала одной из наиболее распространенных в научном и журналистском дискурсе. Количество публикаций, которые рассматривают некоторые аспекты гибридной войны, растет в геометрической прогрессии, но не имеют окончательной концептуализации этого явления и не устанавливают полную теорию гибридной войны.

В современной геополитике и политологии все чаще обсуждается вопрос гибридной войны. Многие работы прослеживают историю концепции гибридной войны, как в западной, так и в русской литературе, и дают ее многочисленные определения. В то же время, одни авторы считают гибридную войну инновационным прорывом и новой формой военно-политической стратегии и тактики, другие утверждают, что концепция не

содержит ничего нового, просто новое модное понятие, но бессодержательным по своей сути.

На наш взгляд, в большинстве случаев изучение и определение понятия гибридной войны носит историко-описательный (военно-исторический) и эмпирический характер. Поэтому вышеупомянутые вопросы требуют более широкого философского и культурного понимания.

Проблема исследования заключается в недостаточной научной разработанности понятия гибридная война и ее специфики деятельности.

Степень разработанности. Объем литературы по выбранной теме является довольно значительным. Первая в России фундаментальная монография «"гибридная война" в хаотичном мире XXI века», написана в 2015 году коллективом факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, куратором данного исследования был известный специалист по теории международных отношений, заслуженный деятель науки РФ профессор П.А. Цыганков.

Из зарубежных исследователей мы обратили внимание на работы доктора военных наук, подполковника США, Френка Хоффмана, именно он впервые предпринял попытку концептуализировать и популяризировать термин "гибридные войны" и использовать для определения понятий "классической", академической трактовки "гибридных войн".

Основными источниками при анализе проблемы трансформации традиционных войн стала классическая работа К. Клаузевица "О войне" и ряд работ исследователей, которые продолжали и развивали его теории или оспаривали их ??? В. Линда, Д. Мюллера, П. Бойера, Р. Вуда, Э. Луутвака, М. Кревельда, Алена де Бенуа, М. Кэлдор, Р. Шафрански, Э. Месснера, В.И. Слипченко.

Анализ научных и публицистических работ, посвященных анализу сущности понятия классических и гибридных войн, позволяет сделать вывод, что этот феномен с каждым годом привлекает все больше исследователей.

Причем, авторы единодушно выступают в поддержку изменения тенденций жестокого ведения войн к менее кровавым ее проявлениям. Однако, несмотря на значительное количество работ, до сих пор не выработано четкого определения гибридной войны, в котором бы оно выступало как целостный феномен. К тому же, нет основательных исследований, посвященных анализу путей и средств ведения гибридных войн. Учитывая современные условия, в которых происходит становление политического настроения во всем мире, этот вопрос требует детальной разработки.

Объектом данного исследования является понятие гибридные войны.

Предметом - гибридные войны в условиях современного мира.

Целью данной работы является анализ понятия гибридной войны в условиях современной геополитики. Исследование ее сущности и природы в теоретическом и социально-политическом плане.

Для достижения цели будет решен ряд задач:

- 1) Исследовать значение термина «гибридная война»
- 2) Проанализировать концепцию гибридных войн
- 3) Изучить теорию «гибридных войн» в западном понимании
- 4) Изучить концепцию «гибридных войн» в условиях России
- 5) Проанализировать сущность и специфику информационных войн
- 6) Изучить феномен цветных революций как механизма ведения гибридных войн

Методологию исследования в работе был использован ряд специальных научных методов, таких как аналитический, исторический анализ, семантический анализ, позволяющих всесторонне проанализировать предмет исследования. В частности, для изучения термина "гибридная война" использовался метод исторической ретроспективы. Методы сравнительно-сопоставительного анализа, например, позволяют определить общее содержание термина "гибридная война", которое было принято представителями различных ведомств Министерства обороны США.

Теоретическая основа исследования. В основу данной выпускной квалификационной работы легли научные работы российских и зарубежных специалистов.

В русскоязычной литературе наиболее основательно история и сравнительный анализ понятия гибридной войны изложены в работах Арзуманяна Р.В., Першина Ю.Ю., Панарина И.Н. и др.

Отцами-основателями теории гибридной войны были американцы Д. Мэттис и Ф. Хоффман. Они вывели ее необходимость из различных новых мировых угроз и, прежде всего, террористической.

А также нами были рассмотрены следующие группы документов:

- 1) нормативно-правовые акты и другие официальные документы позволили выявить содержание и смыслы термина "гибридная война", который вкладывают в него военно-политическое руководство различных стран и блоков;
- 2) лингвистические и военные словари использовались в процессе поиска общепринятого определения термина "гибридная война";
- 3) статьи в СМИ использовались в процессе изучения "гибридных войн" как пропагандистского конструкта.

Научная новизна исследования обусловлена всесторонним обзором понятия "гибридная война": исследуется не только академическое и военно-политическое содержание термина "гибридная война", но и проблема использования этого термина в качестве пропагандистского инструмента.

Структура дипломной работы. Структура и объём работы определены логикой научного исследования. Дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и приложений.

Глава 1. Теоретические основы понятия «гибридная война»

1.1 Генезис понятия «гибридная война»

От Античности до наших дней война представляла собой одну из наиболее важных социальных практик, она определяла судьбы народов. Она была важнейшей обязанностью гражданина греческого полиса и делом всей жизни средневекового рыцаря, но при этом именно она чаще всего воспринималась как опасное предприятие с серьёзными расходами и большими потерями. Слово «война» произошло из древних праязыков, что можно рассматривать как подтверждение того, что война существовала на всех этапах жизни человечества. Как правило, во всех языках со словом «война» связаны такие смыслы как конфликт, борьба, противостояние, сражение. «Война» и однокоренные ей слова встречаются во всех славянских языках, произошло от праславянского *vojь – «воин», схожее по значению со словами «рать» и «брань». Отсюда мы видим необходимость рассмотреть значение и развитие этого слова в русском языке. «Брань» и «война» – церковнославянские, а «рать» - древнерусское, со временем они стали употребляться в различных значениях. «Словарь русского языка 11-17 веков» даёт такое определение значения для слова «война»: 1) война как состояние, борьба и боевые действия, а также повинности связанные с ведением войны; 2) обозначение войска. В это же время слова «брань» или же «боронь»

бытовали в значениях «война, битва, защита», а «рать» – в значении «войско, враг, неприятель, но также война, битва, нападение». Такое равноправие понятий сохранялось до 19го века, позже слово «война» теряет значение «войско». Например, В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (1-е издание, 1863-1866) определяет «войну» как: «ВОЙНА ж., раздор и ратный бой между государствами, международная брань»[26]. С.И. Ожегов в своем Толковом словаре (первое издание-1949) объяснил это понятие чуть более широко: «ВОЙНА., вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства»[48]. В словаре политологии, опубликованном в 2008 году, мы находим следующее определение понятия: "война-это вооруженный конфликт в процессе разрешения конфликта, форма решения политического конфликта посредством применения насилия"[38,75]. Как мы видим, в языковой восприятии слово «война» XIX и XX веке в претерпело некоторые изменения, но по прежнему войной называют вооруженное урегулирование политических конфликтов различного характера.

Война (или конфликт) - это прежде всего конфликт противоречия интересов. Цель войны всегда заключалась в том, чтобы влиять на волю противника в разной степени, от достижения политического превосходства до решающей победы. Средства достижения этого результата используются в различных сферах деятельности в зависимости от современных политических или социальных условий и требований, а также научно-технических достижений.

О том, что в мире идет гибридная война, ничего не говорят только ленивые люди. Ближний Восток, Африка, глобальные финансовые рынки, интернет и основные средства массовой информации уже давно являются полем битвы великих держав. Наши древние предки знали, как уничтожать врагов, «не вынимая ножны». В древних войнах ядовитые колодцы были столь же распространены, как и другие военные приемы.

Отказаться от этих знаний в современном мире так же глупо, как поднять белый флаг. Таким образом, каждая сверхдержава имеет центры разработки биологического и химического оружия. Логика проста: чтобы защитить свое население от возможных атак, вам нужно иметь вакцину. Если у вас есть образцы вирусов, вы можете не только разрабатывать, но и тестировать их. Однако глобальные трагедии иногда могут быть вызваны простой человеческой халатностью. На фоне глобальной пандемии коронавируса неудивительно, что его теория о его возможной утечки из одной многочисленных лабораторий стала настолько обширной.

Борьба за власть продолжалась веками. Современные формы конкуренции включают в себя искусство государственного управления и военное искусство, усиливая классические стратегии с помощью ряда новых, нетрадиционных методов достижения политических и стратегических целей. В результате эта гетерогенная деятельность привела к путанице названий групп: "серая область", "гибридные угрозы", "иерархия", "нелинейность", "бесконечность" и многие другие.

Благодаря новым эффективным инструментам, широко используемым различными сторонами, такой нетрадиционный подход приобретает новое значение для современных конфликтов. Цель настоящей дипломной работы - изучить изменения в характере войн и конфликтов и дать аналитическую оценку этой проблемы.

Сочетание традиционных и нетрадиционных подходов к разрешению конфликтов далеко не нова. На протяжении веков государства использовали эти сложные или смешанные методы. Политическая нестабильность, поддержка различных группировок и ополчений, пропагандистская деятельность и другие понятия стали основой для национальной и военной деятельности в Пелопоннесской войне. В наполеоновских войнах британские войска бросают вызов французскому контролю над крупными испанскими городами, в то время как испанские партизаны атакуют свои линии связи, а в

арабских восстаниях британские войска будут иметь регулярную линию в Палестине, кашмирский конфликт характеризуется более тесной концепцией использования обычных сил, а также использования нетрадиционных сил.

Идея концепции гибридной войны в своей сути содержит идею, сформулированную в трактате о военном искусстве прусского полководца К. фон Клаузевица «О войне» (1816), в котором анализируются основные принципы и законы войны. Автор трактата понимал войну как "насилие, совершенное для того, чтобы навязать свою волю врагу", по сущности идея сводится к тому, что война не должна быть замкнута сама на себе, если говорить словами Клаузевица, то это "продолжение политики другими способами". По мнению К. Клаузевица: «война - это политический инструмент, средство достижения политических целей (иногда политические цели могут совпадать с военными)» [28,5]. Суть войны - это "сочетание насилия, ненависти и вражды". При этом автор называет войну "хамелеоном, который меняет свой облик при любом удобном случае"[28], неверно предположить, что в его понимании война меняет свою природу с развитием человеческой цивилизации. Если мы рассмотрим это утверждение относительно остальной части трактата, становится ясно, что это утверждение скрывает идеи о том, что под влиянием социальных изменений трансформируются политические отношения, меняется технологический процесс войны.

Однако, характер войны на протяжении всей истории человечества остается неизменным, поскольку насилие, ненависть и враждебность существовали на всех исторических этапах развития общества и совершенно неуместно использовать принципы ограничения и умеренности в принципах войны и развитие культуры, а тем более технического прогресса, никаким образом не меняет или не отрицает желание уничтожить врага, содержащееся в самой сути понятия войны. Таким образом, концепцию данного автора

можно считать, универсальной концепцией, которая может объяснить характер любой войны или вооруженного конфликта.

Теория К. Клаузевица не является неоспоримой, так например, во время Первой мировой войны 1916 году генерал Эрх Ляндердорф разработал, основанную на критике теории Клаузевица, концепцию «тотальной войны», которая позволяла эффективно командовать всеми операциями немецкой армии. Э. Ляндендорф опроверг, что война является исключительно продолжением политики, по его мнению, руководить подготовкой и самим ведением войны могут только военные. [44,300].

Гораздо позднее, на рубеже 20-го и 21-го веков, появляются и другие исследователи и мнения, которые дают новую конструктивную критику концепции К. Клаузевица, это связывают с развитием военной техники (появление высокоточного оружия, беспилотников и др.), изменение подходов к ведению войн (появление информационных войн, кибервойна и прочее). Все это показало, что «устаревшие принципы и теории войны прошлых поколений» больше не могут обеспечивать нужды новых высокотехнологичных войн. Так У. Линд совместно с другими авторами разработали в 1989 году свою концепцию *войны четвертого поколения*. Исследователи заметили, что в современных конфликтах, в классическом понимании, нет «до и после, фронта и тыла, внутренние конфликты легко перетекают в международные, указывая на нестабильность границ между боями, миротворческими, гуманитарными и антитеррористическими операциями». Под влиянием этих событий теория К. Клаузевица устарела и была пересмотрена, но при этом стала популярной темой обсуждения в научном сообществе.

Идея упадка и необходимости применения традиционной войны также была выдвинута мы находим у военного историка, профессора Иерусалимского университета, специалиста по стратегическим вопросам – Мартина Кревельда, он считает, что идея войны формата «государство против

государства», «армия против армии» уходят в прошлое и становятся непродуктивными. В своей работе «Трансформация войны» он указывает на то, что – «в будущем войны будут вести не армии, а группы, членов которых мы сегодня называем террористами, но которые, несомненно, придумают для себя более приемлемые официальные титулы». Также М. Кревельд пишет, что в данном случае война становится «культурно определяемой человеческой деятельностью, особой формой существования человеческого общества и, следовательно, не политическим средством, а целью существования» [29,34].

Похожую позицию в понимании гибридных войн мы находим у Алена де Бенуа, который отметил, что в современном мире «государство уже не имеет монополии на применение насилия, поскольку это право частично принадлежит негосударственным организациям и группам интересов». В результате, по мнению французских философов, «порог политического значения военного конфликта снижается с государственного уровня до уровня организаций, групп и отдельных лиц. При этом граница между войной и миром размыта, и войны в различных формах становятся нормой, становятся постоянными государствами». [1,32].

Несколько иную точку зрения на природу гибридных войн мы находим у профессора Лондонской школы экономики и политических наук Мэри Кэлдор. В своей работе «Старые и новые войны» она отмечает, что «в современном мире война перестала быть инструментом государственной политики, что говорит нам о том, что в современных конфликтах повышается роль субгосударственных субъектов: главнокомандующих, наркоторговцев, террористов» [6,131].

Следует отметить, что существительное "война" на протяжении последних двадцати пяти лет постоянно расширялось при помощи прилагательных: асимметричная, презэмптивная, сетевая, сетецентрическая, нелинейная, бесконтактная, непрямая, неконвенциональная, информационная, психологическая, прокси-война, хаос-война и, наконец, гибридная.

В чем причина повышения уровня социальных и межгосударственных конфликтов? На наш взгляд, существует несколько причин повышения уровня межсоциальных и межгосударственных конфликтов:

Первая причина связана с тем, что после исчезновения мировой системы социализма, остро встал вопрос о перераспределении между странами постсоветского пространства, победившими в холодной войне (1946-1991гг), что определило высокий уровень конфликта в целом ряде стран и регионов (Восточная Европа, Центрально-Азиатский регион, большой Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Северная Африка). Второй причиной следует считать влияние США, стремление этого государства сохранить абсолютное лидерство на международной арене, при этом прибегая к различным методам давления на развивающиеся государства, в том числе «допускать» сепаратизм и терроризм на их территории, втягивая эти страны в «конфликты малой интенсивности», организация «цветных революций» и «гуманитарных интервенций» [39,65], [46,]. Третья причина не такая явная, в отличие от остальных, здесь стоит говорить о том, что западные социальные государства в результате борьбы между двумя системами, постепенно теряют свои позиции на международной арене (проблемы с эмигрантами и местным населением).

Определение «гибрид» (от лат. hybrida) прежде всего распространен в биологии, а в частности в ботанике и зоологии. Гибрид – животное или растение, полученное путем скрещивания генетически разных особей [42]. В других науках это означает объект, полученный комбинацией разных частей.

«Гибридные» операции всегда использовались в военных действиях, но действительно успешное проведение гибридных боевых операций и войн стало возможным только в начале века XXI-ого века. Развитие средств массовой информации и других форм массовой коммуникации позволило лидерам оппозиции эффективно манипулировать идеями масс посредством

телевидения, радио и интернета, побуждая их к беспорядкам, протестам, неповиновению и разрушению.

Термин «гибридная война» или «hybrid warfare», первоначально (как и большинство военно-политических концепций) зародился в США.

Понятие гибридной войны активно начинает использоваться с 2001 года, когда в английской научной литературе появились первые упоминания об этом виде войны[15]. Считается, впервые этот термин ввел и закрепил в научном обороте подполковник США, доктор военных наук Френк Хоффман в 2005 году.

Тем не менее, мы не можем не отметить проблему определения авторства, поскольку данное словосочетание использовалось ранее в выпускной магистерской работе майора ВС США Вильяма Немета «Будущая война и Чечня: пример гибридной войны» в 2002 году. Это приводит нас к мнению о том, что с начала первого десятилетия нашего века термин «гибридная война» постоянно использовался на английском языке Фрэнком Хоффманом, Дэвидом Килкалленом, Вильямом Неметом, Джоном Маккуэн, и другими авторами, которые понимали гибридную войну как сочетание регулярных и нерегулярных форм войны[7]. В данном случае неформальная борьба – это операция, проводимая террористическими, повстанческими, наёмническими организациями. Таким образом, участниками «гибридной войны» могут быть как государственные, так и негосударственные структуры [7].

В русской научной литературе толкование термина гибридных войн гораздо шире. Сфера гибридной войны считается главной сферой общественной жизни, в то же время исследователи этой проблемы, предлагая свое определение понятия «гибридная война», дают полностью описательное определение, детализируя признаки гибридной войны в различных частях общественной жизни. Согласно мнению профессора МГУ, доктора философских наук П.А.Цыганкова, одним и самым важным отличием «гибридной войны» от традиционной являются «...широкие возможности современных информационных технологий, которые становятся средством

намеренного искажения информации, распространения заведомо ложных сведений, вбросов сфабрикованных «фактов» (так называемых фейков), а также использование самых грязных социальных технологий». Проявляется многогранная направленность феномена: гибридная война втягивает в противодействие все население и охватывает все сферы общественной жизни: политику, экономику, социальное развитие, культуру. Тем не менее, позиционирование гибридной войны как феномена, полностью принадлежащего политической сфере, кажется незаконным и, следовательно, порождает множество экзистенциальных определений (перечисление аргументов существования), но не заканчивается тем, что предлагается фундаментальное определение, которое указывает на суть этого явления [26].

Гибридная война, как нам кажется, стала исключительно геополитическим явлением, не полностью определяемым в других исследовательских парадигмах. При всём этом мы рассматриваем следующие основные геополитические пространства: географию, экономику, информационную идеологию и информационную кибернетику. В каждом типе геополитического пространства методы ведения гибридных войн различаются в зависимости от характера этого типа пространства.

В традиционном типе войны все более-менее понятно: кто является союзником, кто противником, кто атакует, кто защищает, кто побеждает, кто проигрывает, какая сила стоит за каждой воюющей стороной. «Гибридная война» — это совсем другое дело. Нет четкого фронта и строго определенного круга участников, нет как таковых действующих лиц, потому что враг везде и кажется призрачным. Гибридная война стирает границы между самой войной и миром, между внутренними и внешними угрозами национальной безопасности, между переворотами и революциями, между разрешенными и незаконными формами борьбы, между защитниками и нарушителями международного права. Конечно, изложить в рамках научной работы весь спектр форм, средств и методов «гибридной войны» — непростая задача. В то

же время можно отметить, что эта работа принесет пользу, если вопросы, связанные с экономическими и другими видами санкций, будут рассматриваться как один из инструментов или компонентов «гибридной войны».

Представляется целесообразным принять во внимание, что «гибридная война» также имеет особую террористическую составляющую, поскольку внешние силы играют важную роль, по крайней мере на начальном этапе, в формировании ряда террористических группировок.

1.2. Концепция гибридной войны

Первые упоминания о понятии "гибридная война" найдены в работе Джеймс Матисс и морской пехотинец США в запасе Фрэнк Хоффман, "Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars" [40]. Эта, казалось бы новая концепция, была впоследствии опубликована в ноябре 2005 года в статье "Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars" [14]. Основная идея публикации состоит в том, что американские аналитики и эксперты с появлением новых технологий, не принимали во внимание факт того, что противник – прежде всего живое существо, способное к креативному мышлению. А следовательно доминирование США в потенциальных военных конфликтах не гарантировано, так как техническое преимущество, как правило, не всегда эффективно против иррегулярных методов ведения боевых действий, обычно ими считаются: терроризм, партизанские войны, мятежи, нарковойны и др. «Сочетание этих угроз и противодействие им и есть «гибридная война» — форма противоборства, объединяющая конвенциональные военные и невоенные действия, совмещенные с терроризмом и иными преступными действиями». К *традиционным* вызовам они относят угрозы со стороны стран с развитым военным потенциалом, которые имеют силы и средства для военного противостояния в классических конфликтах. По мнению авторов

публикации, *нетрадиционные* угрозы исходят от тех государств, которые допускают возможность использования «нетрадиционных» методов для борьбы с их «классическими» конкурентами. Как особый тип выделяют *катастрофические* угрозы, это может быть создание, приобретение и в редких случаях использование оружия массового уничтожения. И последний тип угроз – *разрушительные*, могут исходить от стран-противников использования инновационных «прорывных» военных технологий, с целью подавить превосходство США [14]. Авторы отмечают, что традиционные методы войны типичны для использования государствами, и США со своей военной мощью, чувствует себя спокойно и уверенно в таком противостоянии.

Но такая логика превосходства США над другими показывает, что в современных реалиях государственные и негосударственные субъекты, которые могут и не использовать традиционные средства введения войны. Чтобы добиться превосходства, они могут искать неожиданные комбинации возможностей, техники и тактики. Поэтому одной из главнейших задач должно стать изучение поведения возможного врага и гипотетической угрозы, которая может исходить от него. Появление такого «нетрадиционного» врага вполне возможно, он может использовать свои методы борьбы – терроризм, наркопреступность, организованные беспорядки. Такой противник попытается получить преимущество всеми возможными методами, и попытается закрепить успех через СМИ, например, развязав информационную войну. Такому противнику будет сложно навязать игру по правилам «классических» войн и по мнению авторов, именно такой враг бросит вызов интересам безопасности США в ближайшем будущем [14]. При этом, исследователи утверждают, что не стоит ожидать будто конфликт будет происходить с точным соответствием с одним из четырех вызовов. Напротив, они считают, что возможные противники скорее будут выбирать наиболее удачное сочетание техники и тактики из каждого типа угроз. Возможность

суммирования и синтезирования этих четырех тактик авторы называют «гибридной войной».

Джеймс Матисс и Френк Хоффман пишут, что в случае гибридной войны, США могут противостоять слабой стране-жертве, в то время пока она борется с многочисленными незаконными вооруженными группами или радикальными экстремистскими организациями. Война станет более изобретательной, развивая другие формы экономической войны, или например, точечный удар боевого дрона, DDoS-атаки на системы экономических и военных объектов [14].

Это привнесло что-то новое в понимание конфронтационной ситуации в Ираке. Повстанческое движение основано на идейной войне, и идеи, выдвинутые Соединенными Штатами, должны конкурировать с идеями, выдвинутыми противниками. Действия вооруженных сил США в трех "блоках" необходимы для того, чтобы завоевать доверие и наладить хорошие отношения с народом и его правительством. Таким образом, в объеме каждого блока есть и компоненты, которые противостоят информации. Это помогает расширить присутствие США в регионе, оказывать влияние на его население, а не искаженную идеологию, которые пропагандируют повстанцы.

Таким образом, можно рассудить, что по мнению Ф. Хоффмана в будущем мы столкнемся не только с некоторыми противниками, каждый из которых выбирает один нетрадиционный метод противостояния, а с противниками, которые одновременно объединяют все методы противостояния, что проявляется в многократной «гибридной войне» - это сочетание смертельного характера межгосударственного конфликта с постоянно тлеющей партизанской войной (неформальной войной).

Понятие «гибрид» относится к их организации и средствам, используемым в них. «В организации они могут иметь иерархическую политическую структуру в сочетании с децентрализованными элементами или сетевыми тактическими единицами. Средства возмездия, которые они

выбирают, также будут сочетать форму и применение» [10,54]. В конфликтах нового поколения противники будут иметь возможность решать конфликты, используя потенциал нерегулярных групп. Государство может финансировать, обучать, направлять негосударственных субъектов, дистанцируясь от войны, но все же участвуя в ней. Делегируя право на насилие другим участникам политических игр (военным компаниям, роботизированным войскам, кибервойскам), государство может «невидимо» управлять насилием и при этом не попадать под открытое общественное осуждение.

Так Ф. Хоффман считает, что некоторые страны могут использовать высокотехнологичное оборудование сочетая его с террористическими методами и кибервойной против крупнейших финансовых организаций. В качестве примера гибридных организаций он приводит такие как "Хезболла" и ХАМАС, которые используют различные возможности, о чем позже мы скажем более детально. Помимо этого, страны могут использовать новую тактику, как это было в Ираке в 2003 году, тогда Ирак изменил статус своих регулярных войск на неформальные военные силы. Хоффман пишет, что в этом конфликте мы столкнемся с крупными державами, которые могут использовать замаскированные и косвенные методы влияния. Такого рода противостояния будут характерны особой хитростью и жестокостью методов и тактик, постоянной изобретательностью, такие войны не будут маломощными и короткими «вспышками», они станут бесконечными.

По словам Хоффмана, гибридная война сочетает в себе множество различных механизмов ведения войны, в том числе использование традиционных нестандартных/нетрадиционных тактик и негосударственных (неформальных) военизированных группировок, использование насилия и принуждения со злоупотреблениями для организации террористических актов и криминальных беспорядков. Эти действия имеют различные формы и могут выполняться различными отделами или даже одним отделом, но обычно они

управляются оперативно и тактически в координации с другими отделами, работающими в главном театре, для достижения синергетического эффекта.

После разработки Ф. Хоффманом концепции гибридной войны и ее первой публикации в 2005 году, к подобным выводам пришли некоторые авторы и военные аналитики. Исследователи и военные аналитики, которые работают в офисе министерства обороны США, выразили сожаление в связи с тем, что явление гибридной войны не полностью документировано и изучено, и они считают, что это будет представлять значительный интерес для США в настоящее время политиками из штаба Министерства обороны США. Так продолжает Хоффман в своей работе, анализируя важность предыдущих четырехлетних прогнозов Министерства обороны США и оценивая будущие конфликты в контексте сложных нетрадиционных войн или гибридных конфликтов.

Главные военные теоретики также признают гибридный или децентрализованный характер конфликтов, они отмечают, что, хотя будущее практически невозможно предсказать, но существуют определенные тенденции развития данного вопроса, и этого достаточно чтобы понять, что произойдет завтра. Например, профессор Бристольского университета Колин Грей в своей монографии «Another Bloody Century: Future Warfare»[9] признает, что «в военных кругах американское разведывательное сообщество также приложило некоторые усилия для изучения концепции гибридной войны». После этого, центр критических угроз и реагирования (СЕТО) организовал брифинг и опубликовал отчет о проекте, этот проект дал толчок исследованию природы "разрушительных проблем". Другие аналитики из центра СЕТО (D.Flynn , M.J.Varroy) начали изучение концепции "бесконечной войны" китайских военных теоретиков. Китайские военные теоретики проводят свои исследования по вероятному будущему конфликту, они взяли на себя "народную войну", которая использует всевозможные средства, от низких до высоких технологий, и в процессе боевых действий

задействованы как гражданские, так и военные базы, эти исследования заслуживают внимания[10,43].

Концепция гибридной войны завоевала как сторонников, так и противников за последние годы. Помимо тех сторонников, о которых упоминал сам Хоффман, они пытались творчески разработать концепцию, явно надеясь, что эта новая теория укрепит безопасность и позиции США в настоящих и возможных будущих столкновениях.

Маргарет Бонд можно считать последовательницей Ф. Хоффмана, в своих работах она продолжает развитие его теорий. Она полагает, что войны XXI века будут гибридными, в них будут участвовать все структуры государственной власти по всему спектру их деятельности: от операций по достижению стабильности и безопасности, проведению реформ до вооруженного противостояния. Парадигма гибридной войны, пишет М. Бонд, требует нового подхода к использованию вооруженных сил США в масштабной войне, противостояние в которой варьируется от мирных гуманитарных миссий, применяемых в качестве превентивных мер, до традиционных военных операций с применением традиционных стратегий ведения боевых действия и послевоенной стабилизации обстановки и восстановления экономики, когда безопасность и мирное существование являются результатом экономического процветания и политического статуса.

К вариантам гибридной войны также предлагают отнести: военную разведку, продажа и поставки нелегального, а порой и запрещённого оружия.

Обсуждение о характере возможной «гибридной угрозы» или «гибридной войны» дало свои плоды: определение "гибридной угрозы" было сформулировано и уточнено на конференции по гибридной войне, организованной объединенным командованием Вооруженных сил США 24 февраля 2009 г. Р. Гленн дает это точное определение со следующей формулировкой: «гибридная угроза (1): любой противник, который одновременно и применительно к ситуации использует в оперативном боевом

пространстве сочетание традиционных, нетрадиционных средств, терроризм и преступные организации. Гибридная опасность или гибридный противник может представлять собой не единого субъекта, а сочетание государственных и негосударственных субъектов. Гибридная угроза (2): Противник, который одновременно и применительно к ситуации использует сочетания (1) политических, военных, экономических, социальных и информационных средств, и (2) конвенциональных (традиционных), нетрадиционных, террористических и подрывных / преступных способов ведения военных действий, а также ведение боевых действий посредством генерирования катастроф и стихийных бедствий. Гибридная угроза может представлять собой сочетание государственных и негосударственных субъектов» [8].

Анализ этих положений показывает, что в целом нет ничего принципиально нового в "гибридном" противостоянии. Например, в кибер-ориентированных войнах просто внедряются давно известные требования к улучшению ситуационного восприятия и принцип "идти отдельно, сражаться вместе", основанный на использовании новых информационных технологий[38]. Но точно так же, как армия, которая не может использовать киберцентрические принципы, потерпела неудачу в современной войне, страна, которая не может противостоять "гибридным" угрозам, не сможет чувствовать себя в безопасности в современном мире. Это необходимо учитывать при разработке доктринальных документов оборонительного характера.

В широком смысле гибридные войны происходят во всех основных сферах жизни конкретного государства и общества или Межгосударственного союза — организационно-концептуальной, социокультурной, финансово-экономической, политической и правовой, внешней политики, обороны и безопасности.

В узком смысле гибридная война ведется в сфере международных отношений, то есть с использованием информационных инструментов

влияния на жизнь конкретного государства или Национального союза. Например, манипулирование финансовыми и фондовыми рынками США, в частности Федеральной резервной системой США, направлено на сохранение господства нефтяного доллара в мире, провоцирование финансово-экономического кризиса по отношению к другим валютным зонам (евро, юань, рубль), а также на определенные стратегически важные цели.

Несмотря на все различия, гибридная война не изменила характер самой войны. По сути, война по-прежнему является проявлением насилия, а точнее, вполне вероятно, что она будет использоваться в политических целях. Тем не менее, гибрид, естественно, меняет ход современной войны; он требует от государств понимания необходимости использования обычных и нетрадиционных инструментов и тактики. Этот синтез был непростым, и даже величайшие командиры работали над созданием одного типа войны, не говоря уже о создании двух типов снова. Тем не менее, более глубокое исследование того, как гибридная война может дать ценную информацию для лучшего понимания традиционных и нетрадиционных боевых действий и конфликтов.

Глава 2. «Гибридная война» в современном мире

2.1. Основные методы и способы ведения войны

Основные методы ведения гибридных войн в территориальном пространстве это:

- 1) «Традиционная» война, представленная локально в богатом ресурсно-природном регионе страны-жертвы с участием серии «конфликтов низкой интенсивности» по периметру ее границ;
- 2) «Цветные революции»[36], то есть государственные перевороты в стране-жертве, агрессивные действия в сторону государств, являющихся геополитическими союзниками страны-жертвы;

3) Покровительство и стимулирование сепаратизма в стране-жертве агрессии.

Перечисленные технологии применялись по отношению к современной России в конце 90х – начале 2000-х гг. Страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Иордания, ОАЭ) и некоторые Европейские страны, спонсировали «террористическую войну», такой термин употребил С. Иванов, на тот момент министр обороны РФ, на российском Северном Кавказе. Они оказывали всяческую поддержку сепаратизма в так называемой республике Ичкерия, образованной на большей части Чеченской Республики, входящей в состав РФ, а также поддерживая некоторые повстанческие силы на территориях Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарии, Дагестана. В большинстве случаев поддержку оказывали финансированием, доставляли в регионы боевиков, военных советников, инструкторов, военное обмундирование и оружие. Попытки осуществления «ромашковой революции» в РФ наблюдались в 2003-2008 гг., а также 2012, ряд «цветных революций» прошёл по Сербии, Украине (дважды), Грузии, Киргизии.

Как мы уже писали ранее, влияние на экономическую сферу страны-жертвы также можно считать тактикой гибридных войн. Основные способы ведения гибридной войны в экономической сфере:

1) санкции и ограничения в отношении отдельных областей экономики экономики страны-мишени, в том числе закрытие международных рынков (или отдельных их частей) или блокирование доступа к определенным технологиям, что приводит к искусственному затормаживанию экономики страны-жертвы;

2) санкции во всех секторах экономики страны-мишени в целом, то есть экономическая блокада;

3) санкции и другие экономические меры воздействия в отношении генеральных лиц, определяющих содержание и ход экономических процессов в стране-жертве.

Не так давно в сторону России были направлены массовые санкции со стороны США, ЕС, Австралии, Канады, Японии и ряда других стран после присоединения Крыма Россией в 2014 году, некоторые из этих санкций действуют и на сегодняшний день. Практически все формирующие банки, нефтедобывающие компании и крупные предприятия оборонно-промышленного комплекса, находятся под влиянием западных санкций. Ограничения в основном направлены на главный сектор российской экономики — нефть. Технологии освоения Арктики и трудно извлекаемых месторождений блокировались. Санкции, «введенные в отношении банковского сектора России, затронули значительную часть-более 50% совокупных активов. Резко сократилась география и продуктовая диверсификация российского агропродовольственного импорта, ослабла сырьевая и производственная база пищевой промышленности» [43]. Потери от санкций в 2015 году составили 3,7% российского ВВП[54]. Санкции против России упали на "плодородную почву": страна чрезмерно зависима от импорта не только этих промышленных товаров, но и медикаментов, электроники, лёгкой химической промышленности, продуктов питания и потребительских товаров. Например, в «тяжелом машиностроении доля импорта в 2014 году составила 60-80%, в станкостроении-более 90%, в радиоэлектронике-80-90%, в медицинской и фармацевтической промышленности-70-80%, в легкой промышленности-70-90%. За период 2000-2014 гг. объем импорта увеличился в 8,4 раза» [54].

Как было сказано выше, существует отдельная категория санкций, которые направлены против определённого лица или нескольких лиц, как правило, в такие списки попадают ведущие политические деятели, банкиры и промышленники. (Например, «Кремлевский доклад»).

Информационная война тоже считается неотъемлемой частью гибридных войн, в такой войне выделяют технические и социально-психологические составляющие во многих случаях они взаимосвязаны. Основные способы ведения гибридной войны в информационном и идеологическом пространстве:

- 1) подмена традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических структур конкретного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими структурами другого общества;
- 2) фальсификация и «переписывание» истории страны-жертвы;
- 3) уничтожение религиозных деятелей, главных персонажей и основных постулатов основных религий страны-жертвы;
- 4) продвижение разрушительных социальных практик: распущенность, насилие в отношении слабых и беспомощных, наркомания, семейные и экономические преступления.

Информационное и идеологическое пространство России на рубеже XX-XXI веков сократилось почти до минимального объема. Традиционные ценности теряют свою значимость. [55,14]. В результате формируется фактор "общей несчастливой судьбы" — или, в другом смысле, глубокое чувство национальной боли. Причиной тому стало «своеобразная западная идеализация, стремлением приблизиться к ней, пока не приобретется единую идентичность» [27,7].

Имплантация, продвижение и пропаганда западных идеологических структур и западных духовных ценностей в информационно-идеологическое пространство постсоветской России эффективна, так как основана также на компенсаторных технологиях преодоления социальной травмы (социальной травмой является распад СССР и "шоковая социальная терапия") — так называемой инновационной стратегии, включающей быстрое восприятие новых навязанных ценностей[21,47]. «Основной тенденцией, отмеченной в последние годы, является рост числа индивидуалистических ориентаций. Если

в 2008 году в стране в целом доминировали представители социальной направленности, то к 2012 году ситуация изменилась на противоположную. По мнению исследователей, этот сдвиг во многом обусловлен молодыми поколениями, ценности которых сформировались под влиянием сильных политических, экономических и культурных изменений на рубеже 1980-х и 1990-х годов» [23,14]. В настоящее время «эта тенденция продолжается, индивидуалистов в России с каждым годом становится все больше» [23].

Основные способы ведения гибридной войны в кибернетическом пространстве:

- 1) удаление или атаки на программные продукты и кибернетические технологии целевых стран с мировых и/или региональных рынков;
- 2) хакерские атаки на экономические и политические институты целевых стран.

Стоит сказать, что в современной России эти методы гибридной войны также используются как и прочие, но, справедливости ради, следует отметить, что российский рынок ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) невелик. Доля России «на мировом рынке электронных устройств и комплектующих не превышает 0,1-0,3%, а доля России на мировом рынке информационных услуг составляет около 0,2%. Вклад ИКТ в экономический рост России заметно снизился (примерно в три раза!); при этом «основная часть оборудования, его материальная база и программные продукты производятся и закупаются за рубежом» [33,177]. Здесь нужно сказать о том, что во многих случаях, при помощи экономических санкций, которые закрывают или препятствуют в получении доступа к материальной базе западных ИКТ, мы можем наблюдать исключительную эффективность сочетания различных методов в киберпространстве гибридных войн.

Полковник ВС США, Ричард Шафрански, один из основоположников концепции информационной войны, считает, что цель войны – это не

уничтожение, а управление – управление же возможно без насилия и кровопролития.

Особенностью гибридной войны в сфере поведения является отсутствие моральных или правовых ограничений в отношении субъектов агрессора в таком конфликте. Главным становится результат — уничтожение геополитического пространства противника, а не соблюдение правовых или моральных норм и принципов, почти все исследователи отмечали эту особенность гибридных войн.

2.2. Пути противостояния гибридным угрозам

Гибридные угрозы — это систематически синхронизированные методы и действия, предназначенные для борьбы с уязвимостью противника. Меры по противодействию угрозе должны приниматься на одной основе с использованием межведомственной координации. Однако эта угроза имеет как национальное, так и международное измерение. Последнее требует организации ответных мер на международной арене.

Чтобы противостоять гибридным войнам есть так же несколько путей в зависимости от способа и метода применяемой с нападающей стороны силы. В докладе начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерала армии В. Герасимова на общем собрании Академии военных наук в январе 2013 г. подробно излагает методы развития военной стратегии. Герасимов отмечает, что в настоящее время усиливается влияние информационной сферы на глобальные процессы, при таких условиях необходимо делать ставку на развитие современных информационных технологий, которые должны войти в систему интегрированных сил средств разведки и управления вооруженными силами.

В военной сфере:

- 1) Рациональное развитие всех подразделений Вооруженных сил, разработка высокотехнологичного и исследование высокотехнологичного вооружения и использование новейших средств связи, разведки.
- 2) Освоение и развитие высокоточного роботизированного оружия, автоматизация процессов управления и РЭБ; повышение мобильности сил и средств для осуществления перегруппировок войск на удаленные ТВД;
- 3) Незамедлительное и решительное реагирование на конфликты, «нелинейный характер которых позволяет достигать значительных результатов при относительно небольших возмущающих воздействиях» [22].

В невоенном секторе:

- 1) Содействовать мгновенной концентрации усилий и ресурсов в наиболее уязвимых местах. На сегодняшний день именно они находятся на «передовой» информационной и экономической войны и обеспечивают кибербезопасность критической инфраструктуры;
- 2) Тесно сотрудничать с политическими и военными государственными структурами для быстрого создания и использования преимуществ в уязвимых направлениях;
- 3) Создать подразделения и организации, которые смогут как провести информационные или кибернетические операции, так и заблокировать их. Обеспечить государство первоклассными человеческими ресурсами, которые помогут обеспечить разработку методов, которые смогут противостоять гибридным атакам.
- 4) Развивать и совершенствовать российское законодательство, направленное на борьбу с технологиями гибридной войны, в первую очередь «цветной революцией».

- 5) Активизировать процесс обмена информацией и международного сотрудничества с союзниками в военной, финансово-экономической и информационно-психологической сферах с целью принятия необходимых мер и законов по выявлению и устранению угроз безопасности России и стран-союзников.

«Правовой аспект гибридной войны характеризуется следующими особенностями: невозможно применить современные нормы международного права, определяющие понятие "агрессия" к гибридной войне, в которой нет понятий "фронт" и "тыл"» [22]. Эта ситуация создает большие трудности для «целевой страны», чтобы преодолеть гибридные атаки против нее. [45,20].

В целях формирования российской и международной правовой базы по противодействию гибридной войне можно сформулировать следующие предложения:

- 1) Сформулировать конкретное определение и терминологию гибридной войны, описать основные формы и технологии;
- 2) Обеспечить и гарантировать последовательное соблюдение и исполнение действующих международных норм;
- 3) Разработка новых международно-правовых документов по противодействию методам ведения гибридных войн в каждом конкретном типе геополитического пространства.

«Систематическая и целенаправленная нейтрализация операций гибридной войны против России, в том числе, требует создания новой специальной организационной структуры (анти-гибридной войны)» [38]. Подобные организации уже созданы в США в 2015 году, одна из них называется «Бюро сопротивления гибридной войне» и имеет официальный статус общественной организации [24]. Примечательно, что у организации нет собственного сайта, они размещают свои публикации исключительно в социальных сетях. В любом случае Россия «не должна ограничиваться просто

прикрытием угроз, возникающих в результате киберцентрической войны с запада, только оборонительные действия и реакция на шаги противника не будут эффективными и не дадут желаемого результата» [49,43]. Обычно ответная реакция России на гибридные атаки происходит с заметной задержкой, что приводит к отставанию, а следовательно и к поражению. Поэтому нам нужна не только стратегия реагирования на западные гибридные угрозы, но и активные действия. В этом контексте важно помнить так называемый афоризм Лиддел-Гарта: «Цель войны — добиться лучшего, хотя бы только с вашей точки зрения, состояния мира после войны. Следовательно, ведя войну, важно постоянно помнить, какой мир вам нужен» [34,4]. Для поддержания преимущества в гибридной войне, на наш взгляд, важно иметь «большой, продуманный проект», т. е. концептуальное и систематическое введение в основу нового миропорядка, построенного по иным принципам, чем нынешний "однополярный" мир. Однако глобальный проект сам по себе является альтернативой существующему проекту, которого недостаточно, даже если проект разрабатывается в деталях. Нам также нужен хорошо продуманный механизм реализации: ресурсы, субъекты и технологии. Системные угрозы также требуют ответа системы. Как и другие глобальные проекты внутри России. Россия останется "целевой страной", вынужденной реагировать на угрозы и вызовы.

Относительная новизна феномена гибридной войны заключается в том, что государства - агрессоры могут одновременно использовать сложные искусственно смешанные угрозы для борьбы с уязвимостью пострадавших государств на всей их территории с учетом нелинейного характера гибридной войны.

Гибридные угрозы и вызовы направлены на уязвимые, «болевы точки» государства в политической, военной, экономической, социальной, информационной и экологической сферах, а также на уязвимость инфраструктуры.

Гибридная война использует ряд угроз, выходящих далеко за пределы военной сферы. Задачей стратегического анализа на межведомственном уровне является стратегическое прогнозирование и планирование ответных мер в ответ на смешанные угрозы, направленные на уязвимость страны.

Практическая работа по реагированию организаций на гибридные угрозы требует широкого внутреннего подхода и должна проводиться под эгидой единого центра, где будут сосредоточены и проанализированы данные о текущих и прогнозируемых гибридных угрозах. Центр должен иметь право принимать решения, организовывать их реализацию и контролировать эти решения.

В целом, учитывая смысл и цели гибридной войны, необходимо в кратчайшие сроки изменить существующую систему государственного, экономического и социального управления в России, используя опыт авторитарного и мобилизационного управления.

Глава 3. Методы ведения гибридной войны

3.1 Информационная война

Информационная война – это коммуникационная технология, которая воздействует на информационные системы противника для достижения превосходства в интересах национальной стратегии, защищая при этом свою собственную информацию, разработки и информационные системы. Информационная война – это только средство, а не цель, её можно сравнить с бомбардировкой, которая также является средством, а не целью. Информационная война наиболее часто используется как средство стратегических атак или контратак.

Американский эксперт Томас Рон впервые использовал термин "информационная война" в докладе под названием «Системы оружия и информационная война» подготовленном для Boeing в 1976 году. Т. Рон отметил, что информационная инфраструктура становится значимой частью экономики США. Как во время войны, так и в мирное время, она также стала уязвимой целью. Этот доклад можно считать первым упоминанием «информационной войны» [29]. Доклад Т. Рона стал началом активного внимания по отношению к СМИ. Сформулированные вопросы в докладе представили большой интерес для американских военных, которым свойственно иметь дело с «секретными материалами». С точки зрения военных, термин «информационная война» в настоящее время используется в связи с новыми задачами Вооруженных сил США обозначенных в середине 80-х годов после окончания холодной войны.

Официально этот термин впервые был введен в директиве министра обороны США DODD 3600 от 21 декабря 1992 года. Несколько лет спустя, в феврале 1996 года, Министерство обороны США ввело "доктрину боевого контроля и систем управления". Доктрина определяет борьбу с системами контроля и управления как «совместное использование техник и методов безопасности, военного обмана, психологических операций, радиоэлектронной борьбы и разведывательной поддержки, физического уничтожения объектов системы управления, чтобы предотвратить сбор информации, влияние или уничтожение способности противника контролировать поле боя, защищая при этом свои силы и силы союзников, а также не позволяя противнику делать то же самое» [25,156]. Самым важным в этой доктрине принято считать то, что США определило возможность и теорию информационной войны.

Эксперт Пентагона Роберт Банкер в 1996 году выступил с докладом о новейшей военной доктрине США. Он утверждал, что необходимо разделять всю зону военных действий на две составляющие – традиционное пространство и киберпространство, причем на последнем стоит акцентировать

внимание. Он предложил теорию «кибер-действий», суть которой состоит в том, что такие действия должны стать неотъемлемым дополнением классической военной концепции, направленной на обезвреживание и ослабление вооруженных сил противника. Таким образом, помимо суши, моря, воздуха и космоса, информационные круги теперь включены в число областей войны. Как отмечают военные эксперты, главной целью поражения в новой войне будет информационная инфраструктура и психология противника (даже появилось слово "человеческая сеть").

В октябре 1998 года Министерство обороны США ввело "единые принципы информационной борьбы". Изначально эта публикация называлась "Единая доктрина информационной войны". Позднее он был переименован в "Единый принцип функционирования информации". Причина изменения заключается в выяснении взаимосвязи между информационными действиями и концепцией информационной войны.

Они определяются следующим образом:

- 1) Информационная операция: действие, предпринятое для того, чтобы сделать информационную систему противника сложной для сбора, обработки, передачи и хранения информации, защищая свою собственную информационную и информационную систему;
- 2) Информационная война: комплексное воздействие (информационная операция) на государства друг друга и систему военного контроля, ее военно-политическое руководство, которое в мирное время приведет к параличу противника посредством принятия решений в пользу инициатора.

В коридорах Пентагона, например, есть шутовское определение «информационная война-это компьютерная безопасность плюс деньги» [35,54]. Военные методы информационной войны, изначально были сформулированы в меморандуме N30 (1993) между заместителем министра обороны и Комитетом начальников штабов вооруженных сил США[29].

Информационную войну трактовали как действие, направленное на достижение информационного преимущества в поддержку национальной военной стратегии, воздействуя на информационные и информационные системы противника, обеспечивая при этом безопасность и защиту собственных информационных систем. В гуманитарном смысле под «информационной войной» понимается благоприятный способ изменения информационного пространства. В данном виде информационной войны речь идет о некоей системе (концепции), навязывающей мировую модель, целью которой является обеспечение желаемого типа поведения, атаки на структуры, генерирующие информацию.

Основной формой технической войны принято считать радиоэлектронную войну, технологии с использованием электронной разведки и шпионажа, борьба с хакерами и их атаками. Следует отметить важную особенность такого рода войны – её проведение никогда не бывает случайным, а подразумевает скоординированный и регулируемый процесс по использованию информации в качестве оружия борьбы – как на реальном поле боя, так и в экономической, политической и социальной сферах.

Поэтому в качестве основного и наиболее общего определения информационной борьбы мы бы предложили следующее: «информационная война – это всеобъемлющая стратегия, основанная на растущем значении и ценности информации в командовании, контроле и политике».

Область действия информационной войны в данном нами определении достаточно широка и охватывает следующие сферы:

- 1) Инфраструктура государственной системы жизнеобеспечения, – транспортные сети, электростанции, заводы и фабрики, телекоммуникации, банковские системы и др.;
- 2) промышленный шпионаж-кража служебной информации, искажение или уничтожение особо важных данных, услуг; сбор разведывательной информации о конкурентах и др.;

3) хакерские атаки и использование персональными паролями, идентификационными номерами, банковскими счетами и персональными данными, конфиденциальными плановыми данными, изготовление недостоверной информации;

4) электронные помехи в процессе командования и управления военными объектами и системами;

5) Диверсии в сети Интернет, в которой по некоторым оценкам, работает 150 000 военных компьютеров, а 95% военных линий связи работают на незащищённых телефонных линиях.

Независимо от значения понятия «информационная война», оно рождается в военной среде, в первую очередь, как жесткая, решительная и опасная деятельность, сравнимая с реальной борьбой и угрозой. Военные специалисты, сформулировавшие Доктрину информационной войны, четко представляли ее отдельные аспекты: кадровые войны, электронные войны, психологические войны, информационные и кибернетические войны и многое другое.

Из этого следует что, информационная война – это форма конфликта, в которой прямые атаки на информационные системы напрямую влияют на знания или предположения противника. Информационная война может применяться как одна из частей более глобальной и полномасштабной военной операции. В результате этого, угроза информационной войны в современном мире понимается как замысел определенных сил, использовать прогрессивные возможности, скрытые в компьютерах, вести "бесконтактную" войну на просторах киберпространства, где число жертв, достигает нулевых потерь. Преимущество технических и информационных технологий состоит в том, что их потеря в политическом и психологическом смысле не сравнится с потерей одного солдата. Проведение операций при помощи дронов или роботов минимизируют внутренние и внешние политические риски. «Мы приближаемся к этапу развития, когда никто не является солдатом, но все

являются комбатантами", – сказал глава Пентагона. – Задача сейчас не в уничтожении жизненных сил, а в уничтожении целей, взглядов и мировоззрений населения, разрушении общества».

3.2. Цветные революции как механизм ведения гибридных войн

В настоящее время, когда люди говорят о гибридных войнах и цветных революциях, эти понятия часто смешиваются и сливаются. Кроме того, после появления термина "гибридная война" в широком научном дискурсе возникла тенденция объединить все известные формы, методы и приемы вооруженной борьбы в один термин гибридной войны.

Эта концепция представляет собой своеобразную надстройку, которая выходит за рамки традиций, информации, психологии, сетей, сетевых центров, прокси-войн и цветных революций, которые появились ранее в научном дискурсе и, следовательно, изучаются гораздо больше. И это не случайно: помимо фундаментального различия между гибридными войнами и цветными революциями, есть много сходств: эти два явления на феноменологическом (как явление) и техническом (как технологическая и политическая тень) уровне недавно были полностью заключены в кавычки, предполагая, что специальные термины, которые точно описывают эти явления, еще не разработаны и относятся только к ним.

Мы не станем отдельно разбирать и сопоставлять понятия «война» и «революция», как нам кажется, они не требуют уточнения. По сути дела гибридные войны – не являются настоящими, полноценными войнами в «классическом» понимании, хотя они и имеют общие черты, которые мы рассмотрели ранее. Цветная революция – фактически не совсем революция. Между тем, как и в случае с понятием «информационная война», мы обязаны

использовать эту технологию, для того чтобы через сопоставление по аналогии процессов и событий, понятных нам, описать новые явления.

Мы наблюдаем появление новой терминологии, которая зародилась на сильной основе аксиоматики политологии и была принята всем экспертным сообществом. Такой подход имеет объективную особенность: современный мир меняется быстротечно, динамика изменений настолько высока, что возникают ситуации и явления, не имеющих аналогов в истории, такие явления требуют собственного определения и описания.

Говорят, что любая война – это, по сути, гибрид. Мы полагаем, что и гибридные войны, и цветные революции совершили качественный эволюционный скачок относительно недавнего времени - в конце двадцатого века и даже позже. Их родство с войнами прошлого и «бархатной революцией» говорят нам о том, что это не принципиально новое явление, оно всегда становится результатом эволюционного процесса и всегда базируется на более простейших и элементарных формах.

Эти формы сохраняют некоторые из своих специфических особенностей и технических решений в новых явлениях, но они не способны без дополнительной эволюции преодолевать новые военно-стратегические и технические преграды.

Таким образом, происходит поэтапный и логичный переход от старой политической реальности к новой, от одной серии эволюции к другой. Так было и в случае с гибридной войной. В своем содержании она представляет собой качественно новое понятие, а не просто набор форм и методов современной вооруженной борьбы и это же самое можно сказать и о цветных революциях после кризисных событий в Украине и "зонтичной революции" в Гонконге.

Чтобы выявить как гибридные войны и цветные революции соединены друг с другом, целесообразно выявить их сходства и различия, а также связи, которые объединяют их в события, через которые они находят выражение. Во-

первых, необходимо определить, что такое гибридная война, так как по этому вопросу существует множество различных мнений, часто противоречащих друг другу. Гибридная война предполагает совместное использование различных классических стратегий современной войны – традиционных, информационных, идеологических и экономических предназначенные для поражения сил и средств противника и достижения военного и стратегического превосходства над ним и в условиях победителя. В это же время гибридная война может проводиться как в традиционной форме (при условии наличия линии фронта, тылов различных глубин и действий регулярной армии), так и в сетцентрической форме, где фронт в принципе не существует.

В гибридной войне операция информационной войны имеет решающее значение для принуждения противника к капитуляции. А вооруженные силы могут выполнять служебную роль, предоставляя организаторам информационной войны пиар-материалы, необходимые для информационной атаки на сознание врага, с тем чтобы тайно контролировать его поведение или манипулировать его мнением.

Это необходимо учитывать, потому что в противном случае концепция гибридной войны быстро «расползается» и становится спекулятивной. В отличие от гибридных войн, главной и единственной целью цветных революций является организация государственного переворота и ничего кроме. Это основное различие между гибридной войной и цветной революцией. Цветная революция является технологией государственного переворота, в условиях искусственно созданной и усиливаемой нестабильности. Давление на правительство осуществляется в виде политического шантажа, инструментом которого является молодежное протестное движение, организованное по специальным сетевым схемам. На практике цветная революция часто перерастала в вооруженное восстание или сочеталась с военным вмешательством, но использование военной силы в

цветной революции было скорее исключением, чем правилом. Но цветная революция – это технология смещения политически неудобных режимов противника, создающая условия для официального вмешательства во внутренние дела страны – жертвы цветной революции, такие вторжения обычно сопровождаются военными вмешательствами, военными мятежами с целью провокации гражданской войны.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что наличие существенных различий не позволяет рассматривать как одно целое эти два схожих, но достаточно различных явления. Гибридная война – это последовательность различных технологий и тактик, направленных на полное подчинение и капитуляцию противника. Цветная революция – это лишь технология изменения политических режимов. Это не позволяет нам рассматривать цветную революцию как один из этапов гибридной войны, но при этом технология цветной революции и ее последствия могут быть использованы в гибридной войне. Объединяет эти два феномена, то что цветные революции нередко становятся условием к гибридной войне, подготавливая условия обязательные для перехода конфликта в военное вмешательство. Примером этого является нынешняя Украина. При этом часто реализуются следующие цепочки: цветная революция (события-протесты-Майдан) – вооруженное восстание – гражданская война – гибридная война. «Цветная революция играет роль триггерного механизма гибридной войны, технология которого может быть использована организаторами гибридной войны для провоцирования вооруженного конфликта» [32].

С точки зрения исторической ретроспективы и эволюции цветные революции и гибридные войны развиваются по разным направлениям, что также подчеркивает тот факт, что эти явления имеют разный характер. Технологи цветных революций стремились разработать технические решения влияния на политические процессы, в которых применение прямой силы стало бы ненужным и просто вредным для достижения конечной цели –организации

переворота под прикрытием массовых протестов. С другой стороны, гибридные войны не стоят на месте ищут новые форматы, и события для применения прямой военной силы. Возможно, именно так классические инструменты политического влияния – твердые и мягкие силы – пытаются адаптироваться к новой политической реальности, приспособиться к новой среде, которая недружественна и пластична к чисто "мягким" или чисто "жестким" технологиям. В то же время эволюция жестких методов влияния идет по пути гибридизации, "вакцинируя" их "мягкими", в которых некоторые гибридные войны реализуются в их инструментарии политического влияния, объединяя их с "жесткими" инструментами (так появляются "умные силы"). Некоторые из них отвергаются, создавая против них "противоядие". Эволюция "мягкого" подхода, «включающего в себя классические схемы и технологии цветных революций, осуществляется по классическим схемам, используемым в восточноевропейской "бархатной революции", чтобы "повесить" новые "гаджеты". Эти сервисные функции включают более широкое использование жестких сил, таких как технология "контролируемого хаоса". В последнем издании "цветной революции" – например, в Украине в 2013-2014 годах» [32].

Особенно в области гаджетов пересекаются технологии как гибридной войны, так и цветной революции: это информационные войны (операции и инструменты информационной и психологической войны) и технологии контролируемого хаоса. Эти технологии активно используются в гибридных войнах и цветных революциях, но для достижения разных целей. В последнее время появилась новая модная терминология, которая еще больше усложняет ситуацию: многие эксперты заговорили о гибридных "хаотических войнах", продолжая строить сущности и смешивать разные понятия. Во многих отношениях умножение этого термина не имеет смысла. Его содержание требует тщательного уточнения и уточнения в соответствии с

методологическими механизмами политической, военной и других смежных наук.

Современная гибридная война – это сочетание использования инструментов мягкой силы и смертоносного, всего арсенала Вооруженных сил и средств. Гибридная война-это сочетание использования обычных, нерегулярных и асимметричных средств и сочетания постоянных манипуляций в политической, идеологической и других сферах.

"Мягкая сила" ориентирована прежде всего на основные объекты и субъекты государственного и социального управления, а также на международные структуры конкурентов. Чисто мощные формы и методы воздействия наиболее активно используются в боевых и особых условиях, в мирное время являются второстепенными инструментами воздействия. К ним относятся демонстрации силы, диверсионные вооруженные действия, применение силы, диверсии, террористические акты, военные провокации под "фальшивыми флагами" и др.

Заключение

Рассмотрев аргументы и позиции за и против использования концепции гибридной войны для описания современных конфликтов и войн, мы пришли к выводу, что гибридная война не является чем-то новым и что за ним не стоит новый тип войны. Гибридная война – это война, сочетающая в себе характеристики сразу нескольких типов войны. Она заимствует стратегии и тактики, характерные как для межгосударственной, так и для асимметричной войны. Конвенциональные средства сочетаются с попытками дестабилизации при помощи экономических, политических, медийных и пропагандистских инструментов. Более тяжелые средства представляют собой: террористические атаки, провокация и организация революционных беспорядков и сепаратизма, диверсии и кибератаки. Государство, ведя войну с противником при помощи гибридных методов, но при этом отрицая своё участие, получает возможность реализовать свои военно-политические или экономические интересы. В гибридной войне теряется бинарность позиций,

характерная для классической войны. Провести различия между миром и войной, участником и неучастником войны, законными и незаконными средствами её ведения с каждым годом становится все сложнее. Как следствие выход из гибридного конфликта очень сложен, такой конфликт может стать бесконечным. Знаменитое оруэлловское «Война – это мир» как нельзя лучше подходит для характеристики подобного состояния. Современные технологии привлекательны, с точки зрения «войны с нулевыми потерями», но все это может повлечь за собой качественное изменение войны и прежде всего, нашего отношения к ней. Если риск человеческих потерь падает, то война перестает быть нежелательным способом решения конфликтов. Парадокс в том, что войне как явлению необходимо оставаться смертоносной, пугающей и ужасной, для того чтобы оставаться крайним средством, иначе в дальнейшем мы можем столкнуться с ростом числа войн.

Кроме того, недостаточно ясно насколько этот термин является официальным, мы изучили некоторые документы утвержденные Министерством обороны США, и наблюдали его использование в документах стратегического планирования, но нет зафиксированного термина.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, теория войны К. Клаузевица, несмотря на критику и оспаривание, остается актуальной и сегодня: изменения в формах и методах войны не привели к изменению сути войны, в то же время, хотя интерпретация автора о войне не устарела, нельзя отрицать, что в XXI веке война может принимать различные формы.

Во-вторых, сделан вывод о том, что понятия, часто описывающее появление современной войны, во многом повторяются и часто используются в сочетании.

В-третьих, было отмечено, что в мировой академической среде нет общепринятого понимания четкого и единого термина «гибридная война» или

«цветная революция». Этот факт не позволяет говорить о существовании теоретического понятия гибридной войны.

В-четвертых, делается вывод о том, что армия (в основном Министерство обороны США) использует термин «"гибридная война" для описания повышенной сложности угроз и конфликтов», но считает, что они вписываются в «доктрину традиционной и неформальной войны».

Таким образом, термин "гибридная война" является всеобъемлющим термином, предназначенным для описания конфликтов с использованием комбинации нетрадиционных методов ведения войны, "гибридная война" не является достаточно полным военно-политическим понятием и даже не имеет общепринятых толкований.

В-пятых, по отношению к России уже давно ведется гибридная война по нескольким направлениям деятельности. Однако нельзя с уверенностью сказать, что мы готовы к 100% отражению всех нападений.

В-шестых, в современном мире тема гибридных войн и цветных революций продолжает набирать популярность. Неслучайно: мировая цивилизация на современном этапе своего развития столкнулась с совершенно новыми инструментами формирования новой политической реальности, которые весьма эффективны в условиях однополярного мирового кризиса, но в то же время представляют особую опасность для современного государства.

Таким образом в ходе исследования мы подробно рассмотрели теоретический аспект такого феномена как «гибридной войны» на примере исторических событий проанализировали реальный масштаб и угрозы этого феномена.

Библиографический список

Литература

- 1) Alain de Benoist Carl Schmitt today / Alain de Benoist. - London:Arktos, 2013. — 108 p.
- 2) Andrew Horybho. Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach to Regime Change / Peoples' Friendship University of Russia. 2015 132 p.
- 3) Chaos Theory in the Social Sciences: Foundations and Applications / Ed. L.D. Kiel and E. Elliot. Ann Arbor, 1996
- 4) Counter-Unconventional Warfare. White Paper. 26 September 2014 United States Army Special Operations Command.
- 5) Damien Van Puyvelde. Hybrid war — does it even exist? // NATO Review
- 6) Kaldor, M. New and old Wars: Organized Violence in a Global Era / M. Kaldor. - Stanford (California): Stanford University Press, 2007. — 256 p.
- 7) Frank G. Hoffman. Conflict in the 21-th Century: the Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, December 2007 [Electronic resource]. URL: www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (accessed: 26.05.2017).

- 8) Glenn R. W. Thoughts on “Hybrid” Conflict [Электронный ресурс] / R. W. Glenn // Small Wars Journal – 2009. – March 02. Url: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>
- 9) Gray C. S. Another Bloody Century: Future Warfare. London, UK: Weidenfeld & Nicolson, 2005. 320 p.
- 10) Hoffman F. G. Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.
- 11) Kaldor, M. New and old Wars: Organized Violence in a Global Era / M. Kaldor. - Stanford (California): Stanford University Press, 2007. — 256 p.
- 12) Lind W., Nightengale K., Schmitt J., Sutton J., Wilso G. The Changing Face of War: Into the Fourth Generation / W. Lind, K. Nightengale, J. Schmitt, J. Sutton, G. Wilso. [Электронный ресурс]: <https://www.mcamarines.org/files/The%20Changing%20Face%20of%20War%20-%20Into%20the%20Fourth%20Generation.pdf/> (дата обращения: 18.06.2020)
- 13) Magazine. 2015 URL: <http://www.nato.int/docu/Review/2015/Also-in-2015/hybridmodern-future-warfare-russia-ukraine/EN/index.htm> (дата обращения: 29.05.2020).
- 14) Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars [Электронный ресурс] / J. N. Mattis, F. G. Hoffman // US Naval Institute Proceedings Magazine. November 2005. Vol. 132/11/1,233. – Pp. 18-19. Url: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>
- 15) McGregor Knox and Williamson Murray, Eds. The dynamics of Military Revolution 1300-2050. Cambridge, Cambridge University Press, 2001.
- 16) Military Operations in Counterinsurgency in FM 3-05.202 Foreign Internal Defense. February 2007 A–9, A–10.
- 17) NATO: Russland bruker mye pe propaganda // ABC Nyheter.
- 18) Putin's crude and desperate propaganda // The Washington Post.
- 19) Putin's crude and desperate propaganda // The Washington Post.

20) RAND Experts Discuss the Options for Ukraine. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/02/rand-experts-discuss-the-options-for-ukraine.html> (дата обращения: 17.06.2020).

21) Асташов А. Б. Историческая травма в социально-политических проектах // Будущее нашего прошлого : материалы науч. конф., Москва, 15–16 июня 2011 г. / отв. ред. А. П. Логунов; Рос. гос. гуманит. ун-т, фак-т истории, политологии и права, каф. истории и теории ист. науки. М., 2011. С. 44–55.

22) Бартош А. Гибридная война становится новой формой межгосударственного противоборства // Военное обозрение. 9 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/112955-gibridnaya-voyna-stanovitsya-novoy-formoy-mezhgosudarstvennogo-protivoborstva.html> (дата обращения: 17.05.2020).

23) Береснева Е. Ценности россиян — много индивидуализма, мало «ценностей роста» // Научная Россия. 22 августа 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/tsennosti-rossiyan> (дата обращения: 13.06.2020).

24) Бюро противодействия гибридной войне // Hybrid warfare resistance Bureau: [ФБ-аккаунт]. URL: <https://www.facebook.com/hwrbbureau/> (дата обращения: 19.04.2020).

25) Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. М.: Ягуар, 2006, - 256 с

26) «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2015.

27) Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социол. исслед. 2012. № 2. С. 3–11.

28) Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Война [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=3577> (дата обращения: 18.06.2020).

- 29) Зверинцев А.Б. Коммуникационный менеджмент: Рабочая книга менеджера PR: 2-е изд., испр. - СПб.: Союз, 2007, - 288с.
- 30) Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. - М.:Эксмо, 2013. — 512 с.
- 31) Кревельд, М. Трансформация войны / М. Кревельд. - М:Альпина Бизнес Бук, 2005. — 344 с
- 32) Кризис на Украине и крымские события 2014: практика информационной войны / Научн. ред. М.М. Янгляева. Ред. кол.: И.А. Николайчук, Н.В. Бондарцева, Е.А. Струкова. 2-е изд., испр. и доп. М.: РИСИ, 2015 628 с.
- 33) Кузнецов Ю. А., Маркова С. Е. Анализ качественных особенностей динамики развития российского рынка ИКТ. Структурный подход // Тр. Нижегород. гос. техн. ун-та им. Р. Е. Алексеева. Сер. : Экономика, инновации и менеджмент. 2013. № 3(100). С. 251.
- 34) Лиддел-Гарт Б. Стратегия непрямых действий. М., 2008.
- 35) Малькова Т.В. Массы. Элита. Лидер. М.: Яуар, 2006, - 232 с.
- 36) Манойло А. В. Роль цветных революций в демонтаже современных политических режимов // Национальная безопасность. 2014. № 3. С. 406–414.
- 37) Неклесса А.И. Управляемый хаос: новый цивилизационный контекст // Связь времен. М., 2002
- 38) Панарин И. Н. Гладиаторы гибридной войны // Экономические стратегии. 2016. № 2. С. 60–65.
- 39) Перкинс Дж. Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М., 2008.
- 40) Першин Ю.Ю. — Записки о «гибридной войне» // Вопросы безопасности. – 2016. – № 4. – С. 63 - 85. DOI: 10.7256/2409-7543.2016.4.19510 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19510

41) Погорелый Д. Е., Филиппов К. В., Фесенко В. Ю. Политологический словарь-справочник. Война [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2427088/page:6/> (дата обращения: 17.06.2020).

42) Попова Е. А. Кризис социального государства: причины и пути выхода [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/01/492> (дата обращения: 18.06.2020).

43) Последствия введенных санкций для экономического развития России // Ассоциация «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» : [сайт]. URL: http://www.rescue.org.ru/publ_1_posledstviya-vvedennyxsankcii-dlya-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html (дата обращения: 17.06.2020).

44) Пресса Британии: гибридная война России на Украине. URL http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2014/05/140529_brit_press#1 (дата обращения: 16.06.2020).

45) Проблемы национальной безопасности России в военно-политической и оборонной сферах. Доклад РИСИ // Проблемы национальной стратегии. № 6 (33). 2015 С. 9–30.

46) Сетевые войны: угроза нового поколения. М., 2009.

47) Снесарев, А. Е. Жизнь и труды Клаузевица / А. Е. Снесарев. - М:Кучково поле, 2007. — 384 с.

48) Становая Т. Россия–НАТО: взаимное сдерживание // 08.09.2014. Информационный сайт политических комментариев Политком.ру. URL: <http://politcom.ru> 18043.html (дата обращения: 19.06.2020).

49) Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. М., 2016.

50) Теория хаоса: как поймать бабочку Лоренца? // Литературная газета. № 46 20.11.2013. URL: <http://lgz.ru/article/-46-6439-20-11-2013/teoriya-khaosa-kak-roumatbabochku-lorentsa/> (дата обращения: 18.06.2020).

51) Толковый словарь Ожегова онлайн. Война. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3653> (дата обращения: 18.06.2020).

52) Толковый словарь Ожегова. Гибрид [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5120> (дата обращения: 16.06.2020).

53) Третья мировая, гибридная // Деловая неделя (Казахстан), 27.11.2015.

54) Хейфец Б. А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России / Институт экономики РАН: [сайт]. URL: http://inecon.org/docs/Kheifets_paper-2016.pdf (дата обращения: 17.06.2020).

55) Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 6–16.